

ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

4/2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 13, № 4

Октябрь – декабрь 2020

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенов К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 13, No. 4

October – December 2020

**PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriulik V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенев Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD (Doctor of Philosophy in History), Senior specialist of Ganja branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent analyst and consultant, associate researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, candidate of historical sciences.

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Богданова М.В., Бакштановский В.И. Университетская этика: динамика проблематизации	9
Довбыш В.О., Максимов Л.И. Инновационное развитие университета	19
Величко А.Н. Информационная безопасность образовательной организации: проблемы управления	32
Кондаков В.А. Спрос и предложение в дискурсе экономической социологии	43
Сбитнев В.Д., Шестаков С.А. Общественно-политические молодежные движения на современном этапе развития гражданского общества (на материалах юга Тюменской области)	55
Погребинская Ю.А., Пезин Д.А. Анализ опыта перехода к дистанционному образованию в период пандемии на примере Тюменского индустриального университета (социологический аспект)	64
Калугина Д.А., Черкасова В.Ю. Ограничения и последствия самоизоляции в восприятии населения Свердловской области по результатам социологического исследования	73
Попкова А.А., Конев Ю.М. Управление развитием сельских территорий: вызовы и возможности	85
Вукчевич Н. Социологическая ретроспектива проблемы миграционных процессов в постюгославском хронотопе	94

CONTENTS

Bogdanova, M.V., Bakshtanovsky, V.I. University ethics: dynamics of problematization	9
Dovbysh, V.O., Maksimov L.I. Innovative development of the university	19
Velichko, A.N. Information security of educational organization: management problems	32
Kondakov, V.A. Supply and demand in economic sociology	43
Sbitnev, V.D., Shestakov, S.A. Socio-political youth movements at the present stage of civil society development (based on materials from the south of the Tyumen region)	55
Pogrebinskaja, J.A., Pezin, D.A. Analysis of the experience of the transition to distance education during a pandemic on the example of Industrial University of Tyumen (sociological aspect)	64
Kalugina, D.A., Cherkasova, V.Y. Restrictions and consequences of self-isolation in the perception of the population of the Sverdlovsk region according to the results of a sociological study	73
Popkova, A.A., Konev, Y.M. Rural development management: challenges and opportunities	85
Vukčević, N. A retrospective analysis of the problem of migration processes in the post yugoslavian chronotope – sociological aspects	94

УДК 314.74/316.4.063.3/316.4.051

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТЮГОСЛАВСКОМ ХРОНОТОПЕ

Неманя Вукчевич¹

¹*Кафедра социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Российская Федерация*

Аннотация. В постюгославском хронотопе уже 30 лет наблюдаются бурные и нестабильные миграционные процессы. С начала европейского миграционного кризиса 2014 г. через Республику Сербию прошло больше миллиона беженцев с Ближнего Востока и севера Африки. Социальную кохезию в группах весьма различных по своим культурологическим и иным характеристикам необходимо постоянно поддерживать, что является непростой непрерывной работой. Данная проблема имеет не локальный, а глобальный характер, о чем свидетельствуют внимание и участие всего международного сообщества. Сегодня нет предпосылок к завершению миграционных процессов, и это определяет актуальность дальнейших исследований. Работ в области исследования данного процесса не так много, и только в последнее время из-за упомянутого кризиса она привлекла внимание академического сектора. Проблема состоит в том, что ученые и специалисты рассматривают лишь ситуацию в текущем моменте. Целью работы является обоснование гипотезы о том, что миграционные процессы в постюгославском хронотопе существовали практически всегда и в их рамках сложились определенные «паттерны». При ближайшем рассмотрении они могут быть определены и представлены научному сообществу и управленческому аппарату в целях снижения риска социальной коллизии, что определяет практическую значимость исследования. Результатом стал вывод о том, что миграционные процессы в постюгославском хронотопе неминуемо приводят либо к интеграции, либо к конфликту, сформулированный на основе использования принципа единства логики и истории в рамках социально-исторического метода и абстрагирования большого количества данных.

Ключевые слова: социология истории, социальная интеракция, общественные перемены.

A Retrospective Analysis of the Problem of Migration Processes in the Post Yugoslavian Chronotope – Sociological Aspects

Nemanja Vukčević¹

¹*Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation*

Abstract. In the post-Yugoslavian chronotope, stormy and unstable migration processes have continued for 30 years. Since the start of the European migration crisis in 2014, more than a million refugees from the Middle East and North Africa have passed through the Republic of Serbia. Social cohesion in groups that are very different in their cultural and other characteristics must be constantly maintained, which is not an easy obligation. This problem is not local, but global, as evidenced by the attention and participation of the entire international community. Today there are no prerequisites for the completion of migration processes and this paperwork determines the relevance of further research. There are not many works in the field of research of this process, and only recently, due to the mentioned crisis, it has attracted the attention of the academic sector. The problem is that scientists and specialists only consider the situation at the current moment. This work aims to substantiate the hypothesis that migration processes in the post-Yugoslav chronotope have existed almost always and that certain "patterns" have developed within their framework. Upon closer examination, they can be determined and presented to the scientific community and the management apparatus to reduce the risk of social collision, which determines the practical significance of the study. The result was the conclusion that migration processes in the post-Yugoslav chronotope inevitably lead either to integration or to a conflict based on the use of the principle of the unity of logic and history within the framework of the socio-historical method and abstraction of particular facts.

Keywords: sociology of history, social interaction, social change.

Введение

В данной работе мы хотели бы с точки зрения социологии в хронологическом порядке рассмотреть некоторые политические события в истории, которые, по нашему мнению, обусловили процессы миграции населения в постюгославском хронотопе. Отметим, что, например, Норберт Элиас, немецкий социолог еврейского происхождения, непрестанно подвергал критике «изоляцию социологии в настоящем» [1]. По-нашему мнению, это необходимо понимать, как то, что социологи не могут ограничиваться изучением только лишь событий сегодняшнего дня. Мы полагаем, чтобы постичь структуру этих событий и формы присущих им социальных интеракций, социологи должны принимать во внимание историю и использовать ее как материал для своей работы. На фоне всей школы социологии истории, чьими родоначальниками являются великие ученые Тойнби и Шпенглер, приведенный нами (историко-логический) подход имеет и свое логическое обоснование, потому что изучение процессов, которые имеют незавершенный характер, не всегда является самым оптимальным решением, так как это обуславливает недостаток данных о последствиях исследуемых процессов, что вместе с тем делает любой научный вывод неполным и спорным. По этой причине общественные науки, в том числе и социология, в большинстве случаев могут объяснить общественные процессы, но только в значительно меньшей мере могут их предвидеть. При этом, важно помнить, что как метод научного исследования, предвидение или прогнозирование составляет неотъемлемую функцию любой теоретической науки. Таким образом, мы можем говорить о том, что предвидение является частью сущности любой науки, то есть мы не можем говорить о науке, в случае, если нельзя утверждать, что существует возможность воспроизведения или повторения результата.

Современные российские исследователи также говорят, что «большая часть исследований ограничивается последним десятилетием и не опирается на ретроспективу... Исторических работ, в отличие от Европы, не много» [2]. Такое положение вещей, по нашему мнению, накладывает на исследования в данной области определенные ограничения, снятию которых во многом может способствовать мультидисциплинарный подход и, в частности, инкорпорация исторического обзора миграционных процессов на определенной территории, которая будет способствовать лучшему пониманию проблематики. Именно из-за этого, рассматривая миграцию как социологический феномен, мы приняли решение сделать ретроспективу миграционных процессов в постюгославском хронотопе, для исследования закономерностей и цикличности, для определения того, при каких условиях возникают и развиваются те или иные миграционные процессы, в целях привнесения вклада в решение актуальных проблем настоящего момента, таким образом, что мы указали бы возможные итоги, способствующие принятию решений в каком направлении необходимо действовать, если мы хотим сохранить гуманистическую перспективу, которой имманентна социологическая перспектива. Мы согласны с мнением известного английского социолога Денниса Смита, который неоднократно говорил о том, что социологи истории изучают прошлое и способы того, как общества функционируют и меняются, чтобы определить будущее, которое возможно в социальном смысле [3].

Таким образом, нами была сделана хронология политических событий, которые обусловили постоянные крупномасштабные процессы миграции населения в постюгославском хронотопе и это показало, что и сегодня имеют место схожие явления в политике, которые в качестве результата производят добровольные планируемые или принудительные спонтанные перемещения населения в Республике Сербии. Прежде всего отметим, что исторически формирование сербского народа произошло в начале Средних веков вследствие ассимиляции переселенцами уже проживающего на Балканах неславянского населения, которое было представлено так называемыми «иллирийцами» [4]. Поэтому мы можем говорить о том, что, если в постюгославском хронотопе уже имело место смешение народов, то, при определенных условиях это произойдет снова. Также мы можем говорить о

периодичности возникновения новых нормативно-правовых регуляторных механизмов, которые, в зависимости от ситуации либо благоприятствовали, либо противодействовали миграционным процессам. Приведенные нами примеры проиллюстрировали то, что исторические события неоднократно приводили к изменению демографической картины определенных территорий — до такой степени, что мы можем наблюдать практически полную замену коренного населения пришлым [5]. В частности, на рассматриваемой нами территории уже имело место смешение народов — при определенных условиях, это может произойти снова, при этом единственной постоянной величиной в исследуемом нами пространстве является само пространство постюгославского хронотопа.

Материалы и методы

По мнению ряда ученых, переселение славянских народов на Балканский полуостров началось в VI в., а уже в VII в. по соглашению с императором Ираклием I имела место массовая иммиграция славян и освоение ими нынешних Западных Балкан, где как «федераты» они были обязаны защищать имперские территории от набегов аваров и варваров [4]. Археологические исследования указывают на факт повсеместного присутствия славян в данной части Европы — особенно после XI в., это также подтверждается и славянскими топонимами. Так как славяне пришли на практически опустошенные земли, то они беспрепятственно заселили большую часть Балкан вплоть до Пелопоннеса. К тому времени все, что осталось от коренного населения Балкан, было романизировано. Спасаясь от аваро-славянских набегов, область нынешних Косово и Метохии покинули дарданы и некоторые другие коренные народы. В горах на освоенной славянами территории проживали обычно занимающиеся скотоводством влахи, цинцары и прочие народы, а на юго-востоке — албанцами, известные в своем окружении как арбанасы или арнауты [6]. Таким образом, уже самые ранние из известных данных говорят в пользу того, что движения населения на рассматриваемой нами территории будут продолжаться до настоящего момента и обусловят некий «закон».

Во второй половине XI в. основная часть границы между Византией и Сербией проходила по территории Косово и Метохии — в долине между Липляном с византийской стороны и Звечаном с сербской. Эта граница существовала вплоть до XII века, пока Великий жупан Стефан Неманя не захватил Хвосно, Подринье, Лаб, Липлян и т. д. Впоследствии сербский правитель передал эти плодородные земли монастырям и церквям сербских епархий. Сохранившиеся до настоящих дней документы получивших во владение эти земли монастырей Студеница, Градац, Баньска, Грачаница, Високи Дечани свидетельствуют о преобладании в данный период сербского населения в этнической структуре территории. Отметим также, что в 1455 г. сразу после османского завоевания, проводившаяся в фискальных целях перепись населения выявила определенное количество албанских имен в 80 из 600 сельских поселений, где проводилась ревизия. До этого факт постоянного проживания этого народа в Косово и Метохии засвидетельствован не был, это означает, что именно в этот период началось постепенное и спонтанное проникновение албанцев в данный край. Таким образом, лишь в XV веке албанцы, в малом количестве населившие сельские территории Косово и Метохии, стали составлять от 5 до 10 % его населения. Присутствие на данной территории этой социальной группы, тогда еще малочисленной, в будущем сыграет огромную роль в политическом процессе и миграции населения в постюгославском хронотопе [7].

Говоря о Средневековье, необходимо отметить, что самым долгосрочным последствием крестовых походов стал глубокий раскол двух христианских миров после завоевания и разорения Константинополя в 1204 г. и создания Латинской империи. Результатом этого стала «встреча» Запада с исламской цивилизацией на Балканах и начало его диалога с миром мусульман. В конце концов, это привело к падению Византии, а затем и балканских государств византийского круга или византийского цивилизационного пространства. В этот период

внутренняя и внешняя миграции различных видов стали фактором, который изменил существо сербского народа. Миграция скотоводов или так называемая «пастушеская» миграция существовала со средних веков и ее необходимо отличать от принудительной, политически мотивированной миграции. Перемещения кочевников с их стадами овец известный сербский ученый Йован Цвийич называл «метастазной миграцией», развивающимися по природному закону, который можно сформулировать как «чья овца — того и гора» [8]. В этом контексте следует различать миграцию с севера Албании в сторону Северо-Албанских Альп, Призрена и Охрида и на запад к Дубровнику. С приходом турок-османов, миграция населения в горные районы стала способом поиска более безопасного места для жизни. В Среднедунайской низменности в данный период возникли так называемые «сельскохозяйственные города», в которых, руководствуясь соображениями безопасности, население концентрировалось около главной дороги. Подобные процессы привели к возрождению старой родоплеменной общины как формы социальной организаций.

Становление теократической и милитаристской автократии на Востоке легло в основу Османской империи, в то время как в Византии была сильнее светская власть, в меньшей степени зависящая от принципа религиозной исключительности. При новом раскладе сил — в рамках большого треугольника исламского Востока, католического Запада и православной Византии с оставшейся частью Балкан — самая слабая его сторона оказалась перед выбором. Необходимо было сделать выбор либо в пользу того, чтобы в рамках Лионской унии 1274 г. пожертвовать своей идентичностью, склониться перед Западом и папским авторитетом, либо в пользу того, чтобы безоглядно пытаться выжить под напором турок-османов. Таким образом, Римскую империю эпохи Константина I Великого заменила Османская империя. Этой регрессии способствовало стремление Византии централизовать и унифицировать религиозные институты под собственным началом, вследствие чего она потеряла восточные церкви, как и Малую Азию и Армению. С другой стороны, Запад уступил туркам-османам Балканы, часть Центральной Европы и большую часть Средиземноморья [9]. Войны с Османской империей и наступление мусульман привели к опустошению целых областей в Юго-Восточной Европе, при этом в период с 1340 г. по 1450 г. жертвы сербского народа были несравнимо больше потерь Византии [10]. Многие документы свидетельствуют о депопуляции Боснийской Краины и территории нынешнего Унско-Санский кантона: перемещение населения происходило либо в форме бегства в более безопасные места, либо в форме угона в рабство. Война и сегодня является одной из основных причин миграции населения [11].

Результаты и обсуждение

Массовые миграции в эпоху Нового времени

Открытие Америки в 1492 г. и захват столицы Византийской империи Константинополя турками-османами в 1453 г. рассматриваются как начало эпохи Нового времени. Эти события оказали двойное влияние на пространственно-временные координаты сербской истории: во-первых, уменьшился экспорт на запад добытых из сербских рудников полезных ископаемых в связи с приливом американского золота и серебра, что привело к усилению таких стран как Англия и Нидерланды, а также юго-западной Германии, северной Франции и Италии; во-вторых, сербский народ оказался разделенным на пограничной территории между двумя мировыми империями — Габсбургской и Османской [10]. В это время, как впрочем, и сегодня, сербский народ не имел ясно очерченных границ своей этнической территории (часто административные границы разделяла семья, села и области, но при этом лишь намного позже стандартизация региональных диалектов привела к возникновению различий наций и языков), поэтому единственно, о чем мы можем здесь говорить, касается того, что вся сербская история и история Юго-Восточной Европы делится на два периода: военная экспансия Османской

империи и отступление турецких войск. Основной характеристикой сербской истории Нового времени стали потеря территорий на юге (в пользу албанцев и македонцев) и на северо-западе (в пользу хорватов), а также сосредоточение центров национальной культуры у рек Дунай и Савва, что породило понятие «Старая Сербия» [12]. Некоторые исследователи считают, что эта область охватывает южные пространства до Эгейского моря и восточного побережья Адриатического моря, в то время как другие полагают, что под это определение попадает территории Косово, Метохии, Повардария и Рашки. В целом, комплекс международных противоречий в период с конца XVIII до начала XX вв. еще известен как «восточный вопрос», характеризующийся борьбой европейских сил за освоенные турками-османами территории [10].

Вплоть до Карловацкого мира (1699 г.) турецкие походы на Европу шли по двум направлениям — наземным путем через Сербию и морским путем через Испанию. В этот период политической практикой Османской империи на захваченных территориях было насильственное изгнание немусульманского местного населения и колонизация территорий, жители которых исповедовали ислам. Так, после первого похода на Пелопоннес в 1458 г. местное население было депортировано в Стамбул. Этот процесс действительно можно хорошо отследить на примере этнических изменений новой столицы Османской империи: сохранились данные о том, что в 1455 г. турецкий султан вначале призывал своих подданных добровольно заселять Стамбул, предлагая им сады, дома и виноградники, но, когда это не возымело эффекта, был составлен список из 30 000 семей из Малой Азии (азиатские владения Османской империи известные под названием Анатолия) и 4 000 семей с Балкан (европейские владения Османской империи известные под названием Румелия), которые были переселены в этот город силой [10].

В XVI в. общая нестабильность и экономический спрос обусловили превращение пашен в пастбища для разведения овец. «Антропонимические исследования указывают на преобладание большинства славянского и православного населения в XVI в., чей состав постепенно изменился к XVII в. в пользу популяции мусульманского вероисповедания, при этом албанский этнос был усилен за счет иммиграции, которой способствовала ускоренная исламизация этого народа» [9]. Действительно с конца XVI в. албанцы начали переходить в ислам и, как мусульмане, приобрели привилегированное положение в Турции. Религиозная структура населения, если принимать во внимание городские переписи, дала возможность отследить распространение ислама. Так, в самом большом городе Косово и Метохии Призрене проживало 56 % мусульман и 44 % христиан (в одном из предыдущих абзацев, мы говорили о том, что изначально мусульмане составляли от 5 до 10 % всей популяции на данной территории). Похожая ситуация наблюдалась и в Приштине. В Трепче было 9 христианских кварталов и 3 мусульманских, в Доня-Трепче было 65 христианских подворий. В Ново-Брдо было 20 христианских кварталов, а мусульманских — только 5. Большая часть населения имела статус райятов и представляла собой непривилегированный слой подданных султана Османской империи [7].

Падение Белграда стало бóльшим ударом для христианского мира, чем падение византийского Константинополя. В 1521 г., чтобы покорить «ворота на Балканы», султан Сулейман I Великолепный привел 87 000 военных соединений из Андрианополя (нынешнего Эдирне). Белград был атакован со стороны Земуна и острова Велико-Ратно — осада была организована при поддержке военно-морского флота Османской империи, который специально для этого прибыл из Черного моря. После того как город перешел в руки турок-османов, его сербские жители были угнаны в Стамбул и «их провожали проклятия солдат противника и угрозы о том, что скоро и христианские покойники перейдут в ислам» [10]. В 1526 г. битва на Мохачском поле положила конец существованию Венгерского королевства, которое вместе с тем потеряло и эпитет главного «апостольского величества». Ислам проник в область Паннонии и придал славонским городам ориентальные черты.

Так, в 1529 г. один из городских кварталов бывшего Константинополя получил название Белградские ворота, поскольку почти целиком состоял из переселенных силой из Белграда сербов. После поражения турок в Венской битве в 1683 г. происходит эскалация «восточного вопроса», а сербы в австрийской столице населяют целый квартал, а также формируют большие городские общины в Буде, Пеште, Эстергоме, Коморне, Сентендре, Дьёрт, Истолном Белграде (нынешний Секешфехервар), Эгеру. Таким образом, мы имеем пример того, как, спасаясь от военных действий, достаточно многочисленные мигранты в другой стране основывают свои кварталы, которые растут и развиваются и сегодня, хотя и существуют в иной (католической) культурной среде и ином языковом пространстве. Почему, то же самое не могло бы произойти и в случае с мигрантами сегодня? Все эти данные говорят о том, что иногда миграция может произойти спонтанно, а иногда планомерно — в соответствии с волей властей. Тут интересно отметить, что, как и Восточная Венгрия, Славония не считалась хорватской территорией до изгнания турок-османов в 1686 г. Большие массы католического населения переместились в Славонию из Боснии в 1697 г. после наступления войск Принца Евгения Савойского, который завоевал левый берег Дуная, Мехадию, Оршово, Панчево и Шабац. В это же время в стране действовали сербские партизанские отряды, которые пытались завоевать Куршумлию, но им помешали албанские силы. Необходимо отметить, что в период войн 1683–1739 гг. Священной Римской империей был принят указ о том, что новонаселяемые земли могут занять только католики [13]. При этом, например, в Далмации обращение мусульман и православных в католическую веру было задачей францисканских монахов. Целям распространения католицизма служили и школы, где учителями были иезуиты. В рассматриваемый период резиденция католического епископа находилась в Белграде, а сама католическая епархия располагалась в Смедерево. Здесь мы наблюдаем способ управления миграцией и мотивацию или демотивацию демографического поведения одним из контрагентов данного процесса. Также в наше время в Италии реализуется программа продажи домов иностранцам по очень низким ценам, но при определенных условиях. Однако нет данных о том, что мигранты включены в этот процесс как покупатели или адресаты этой поддержки.

С 1697 г. большая часть Сербии вместе со Сремом входили в Белградский пашалык, и в то же самое время и сербская, и боснийская территории снова были провозглашены Серхатом (Военной Краиной). После того как турецкие войска потерпели поражение под Петроварадином, Белградом и Тимишоаром, было засвидетельствовано массовое изгнание населения из этих городов, где только военных проживало 25 000–30 000 человек [7]. При этом и мусульманскому, и христианскому населению было разрешено мигрировать организованно — на лошадях, повозках и лодках. Многие исследования, посвященные вопросу миграции, говорят о том, что православные жители покинули Славонию перед уходом турок-османов [14]. Беженцы преимущественно населили Сентендре и в 1698 г. основали в этом городе «Сербское привилегированное торговое общество». В тот же период около 130 000 мусульман переместилось в Боснию. После Карловицкого мира (1699 г.) были установлены Славонская, Подунайская и Банатская военные крайны. При этом, хотя у сербов и хорватов аутентичные национальные характеристики не были выражены ярко, их этническая идентичность выделяла их на фоне местного населения и в Славонии, и в Далмации. Причина этого заключалась в том, что и без развития национального сознания существовала глубокая пропасть между последователями разных религий. На территории Славонской Краины сербы в последующие два века будут хорватизированы [15].

В XVII в. власти Османской империи начали стимулировать интенсивную колонизацию территорий, где проживали перешедшие в мусульманство албанские скотоводы. В конце XVII и в первой половине XVIII вв. наблюдались большие гонения на христиан, а также волны исламизации всех слоев коренного и пришлого населения. В свою очередь в Австрийской империи и Венецианской республике гонениям подвергалось мусульманское население. После поражения в ущелье Качаника австрийская армия перешла из офанзивы в отступление

и ретировалась в сторону Белграда. После этого месть победивших турок-османов была безжалостна: «Сербия и Македония были разорены и опустошены... население целых регионов было зверски уничтожено турецкой армией и их вспомогательными войсками, среди которых особенной жестокостью выделялись формирования крымских татар... необратимое развитие исламизации, а затем и ускоренная албанизация, стали частями единого процесса насильственного изменения религиозно-этнической структуры Балкан — в первую очередь, Косово и Метохии, как стратегически самого важного и экономически развитого края» [9]. Вследствие этого массового эксодуса исповедующая христианство популяция переместилась на юг Венгрии, а позже населила Воеводину и Славинию вплоть до Будапешта и Сентендре. Таким образом, мы наглядно наблюдаем тенденцию тяготения сербского народа к перемещению с юга на север, которая сохранилась до наших дней.

Так как в 1717–1739 гг. из-за высоких налогов на находящейся под австро-венгерским управлением сербской территории, местное население бежало и в Турцию, мы можем сказать, что в этот период миграции развивались во всех направлениях, однако их основным результатом стало перемещение жизни на север с малоразвитого юга. Это было время интенсивной колонизации юга Венгрии: помимо сербов с Косова, с севера Черногории, из области Лики, Бановины и Западной Славонии, туда переселялись и немцы, которые затем планомерно распределялись по Банату и Бачке, а также в области реки Морош в Румынии. История в Новое время уже не развивалась в монастырях: ее героями больше были не религиозные подвижники, а торговцы и военные наемники. После мирного договора в Пожаревце в 1718 г. была проведена определенная реорганизация Военной Краины: Военная граница Верхнего Подринья и Посавины от Биелины до Костайницы была населена православными христианами из Боснии. Как отмечает историк Йохан Хайнрих Швикер [16], сербские единицы численностью 45 615 солдат составляли половину армии Габсбургской монархии. При этом проживающий на территории Военной Краины сербский народ претерпевал постоянное давление как со стороны хорватского бана и загребского архиепископа, так и со стороны венгерских властей.

Недовольные своим положением в Габсбургской монархии сербы начинают переселяться с территорий Военной границы и других краев в Российскую империю с 1724 г. После того как русский двор произвел серба Ивана Хорвата в чин генерал-майора это переселение было настолько интенсивным, что для размещения беженцев была сформирована военно-административная единица «Новая Сербия», охватывающая территорию правого берега Днепра с командованием в Крепости Святой Елизаветы, в то время как другим оплотом сербов стала Славяносербия, располагавшаяся на левом берегу Дона. Со временем балканские мигранты потеряли свою идентичность и ассимилировались с русскими. Данная миграция затронула и сербский народ в Венецианской республике: в 1770 году по разным оценкам от 643 до 1 000 семей из Далмации переселилось на австрийскую границу, а затем некоторые из них продолжили свой путь до Российской Империи [7]. Параллельно с сербскими переселениями протекал и процесс исламизации. Албанское население, которое в Османской империи считались привилегированной нацией, стало главным турецким оплотом в завоеванных сербских землях. В ходе освоения Косово и других частей Сербии, а также Македонии албанцы первоначально мигрировали в горы, а лишь затем спускались к плодородным долинам.

Последствием поражения в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. стали гонения на христиан в Греции и Черногории, что привело к подъему освободительного движения. Постоянные столкновения с турками-османами подтолкнули последних к попытке устрашения населения пирамидами и башнями, возведенными из черепов убитых мятежников. После отступления австрийских войск и окончившихся неудачей восстаний сербский Патриарх Арсений IV Йованович Шакабент с верующими и албанскими последователями эмигрировали в Срем. В 1741 году императрица Мария Тереза признала нового патриарха митрополитом и архиепископом сербов в своей империи. Всего в ходе этой войны на

территорию Габсбургской монархии переместилось около 50 000 человек и 30 000 голов скота, и в этот же период, создавая этнически смешанные добровольческие отряды «фрайкоры», сербы, болгары и румыны получили значительный исторический опыт партизанских действий в тылу турок-османов [7]. Уже в 1788 году, впервые в истории, во многом благодаря деятельности Боснийского фрайкора, в формировании которого большую роль сыграл Православный Епископ Иероним Йованович, Славония, Воеводина, Босния, Сербия, Черногория были определены как сербское этническое пространство. Сербь были самыми многочисленными во фрайкорах, которые в рамках сотрудничества с австрийской армией имели ясную политическую задачу борьбы против Османской империи, ради которой император Йозеф II объединился с Россией.

В 1790 году в Тимишоару было организовано собрание из 100 сербских представителей знатного сословия и священнического чина, как и представителей из Военной Краины. После этого Императору Священной Римской империи было подано прошение «Gravamina et postulata», в котором, как считается, была отражена первая сербская национальная программа [17]. При этом собор требовал, чтобы Габсбургская монархия предоставила сербам автономию в рамках империи и тем самым уравнила их с другими привилегированными нациями — немцами и венграми. До мирного договора 1791 года между Австрией и Турцией беженцами стало почти 100 000 человек, стабильная миграция стала превращать сербские земли из лесистой местности в плодородные нивы, а паства Карловацкой митрополии составляла половину всего православного населения Габсбургской монархии. В это же время белградские торговцы населили город Нови-Сад и начали превращать его в коммерческий центр.

Таким образом, мы можем говорить о том, что с 1699 года в Сербии трижды были проведены «этнические чистки»: в первый раз — до Пожаревацкого мира в 1718 году, во второй раз — Белград между 1718 и 1739 гг., когда, после захвата турецкими войсками, Белград становится католическим городом, и в третий раз — в 1791 году, когда в Белграде снова поменялась национальная структура населения. Мы видим, что именно войны вызвали большую миграцию, и это совпало с периодом демографического спада в Сербии вплоть до 1804 года.

Освободительные отряды «фрайкоры» стали основой сербской армии накануне Первого сербского восстания 1804–1813 гг. По приказу своего руководителя Карагеоргия сербские повстанцы перешли Дрину и, двигаясь по направлению к Биелине и Брчко, приняли участие в вооруженных действиях против Османской империи в Боснийской Краине. Во время этих боев турки-османы потеснили сербские войска, и несколько тысяч сербских крестьян было вынужденно мигрировать в Сербию, где они заселили области вдоль реки Дрины. К тому моменту в Београдском пашалуку 17 % населения было мусульманским, а в самом Белграде существовал и еврейский квартал. Когда сербские войска в 1806 году покинули Белград, город также покинуло 200 евреев, также как в свое время они покинули Салоники, которое тогда было еврейским поселением. Первое сербское восстание завершилось договором, в соответствии с которым сербы взяли в свои руки власть во всех поселениях кроме 7-ми городов, которые являлись крепостями. Правящих князей назначил сам Бекир-Паша (всего им было назначено 20 князей), а в переданные сербам провинции пришли сербские воеводы. В завоеванных областях сербы, по примеру венгров, создали городские муниципалитеты и, таким образом, сформировали администрацию из 12 князей в нахиях под единым руководством верховного князя. Мусульманское население, которому формально было позволено остаться на этих территориях, сразу начали вытеснять, из-за чего султан объявил сербам джихад. В этой части интересно мнение карловацкого митрополита о том, что «необходимо изгнать сипахов и другие роды войск султана, а прочих — мирных торговцев, ремесленников, земледельцев, живописцев и любого турка, который живет сам по себе и не желает господствовать над райями, оставить тут, на его родине» [10]. Мы можем говорить о том, что аналогичная ситуация имеет место в Республике Сербия и сегодня.

В 1813 году из Сербии потекли реки беженцев. Считается, что на территорию Габсбургской монархии в этот период перебралось порядка 200 000 человек. Поскольку сохранились данные о том, что сербских беженцев сопровождал караван из 300 коней с дорогими товарами, то можно судить о том, что на север мигрировала и часть сербских торговцев. Границы Сербии и ее большую автономию определил Адрианопольский мирный договор в 1829 г. В последующие годы сербами были предприняты меры по становлению государственной организации и расширению новых восстаний в соседних областях за счет использования беженцев с окрестных территорий, находящихся под турецкой властью. Тогда также были заложены основы первого сербского государственного правительства — Правительствующего сената. В этот период бывшие княжества становятся капитаниями, а в 1839 году нахии становятся округами. К моменту начала ликвидации Военной границы в 1869 году на территории Хорватии и Славонии проживало около 26,3 % всего сербского народа, причем только непосредственно в Хорватии проживало 45 % сербов, а 17 % населения в Далмации составляли православные сербы. Можно говорить о том, что такое положение дел дало предпосылки к тому, чтобы почти сто лет истории Далмации в Новейшем времени характеризовал «масакр одной нации» [10].

На протяжении всего 1874 года в Боснии и Герцеговине происходили восстания, и Австро-Венгерская империя рассматривала оккупацию этой территории как единственное решение в борьбе с опасностью объединения сербов в единое государство. Последствием данных массовых восстаний стало переселение сербов на австрийскую территорию через реку Саву. До конца 1875 года, по оценкам австро-венгерского государственного и политического деятеля графа Дьюла Андраши, количество беженцев превысило 220 000 человек [10]. В Сербию и Черногорию бежало 70 000 человек. Эта миграция также была обусловлена голодом, вызванным большими налогами. В данный период боснийскую территорию покинуло большинство сербского населения. При этом мужчины уводили свои семьи, а затем возвращались и вступали в повстанческие отряды. В день объявления Черногорско-турецкой войны 28 июня 1876 г., также было провозглашено объединение Боснии с Сербией и Герцеговины с Черногорией. Однако это первое объединение не сохранилось в коллективной памяти народа в силу своего неуспеха. В официальных обращениях к народу в период войны содержался призыв присоединиться к коллективному освободительному движению и католикам и мусульманам, но эта инициатива не была ими поддержана. Это время было отмечено массовыми преступлениями: было убито около 6 000 мужчин, женщин и детей, была сожжена 81 церковь, а к бегству в Габсбургскую империю было принуждено 250 000 человек.

Развитие миграционного процесса в эпоху Новейшего времени

Невозможность перемещения избыточных масс населения в города в условиях аграрного общества обусловила интенсивную миграцию в западные индустриально развитые страны [18]. Процесс переселения в Америку бедных крестьян из Габсбургской монархии захватил и часть сербского населения, проживающего там. Так, в период 1787–1918 гг., в рамках «эмигрантской лихорадки» за достаточно короткий срок (около 15-ти лет) из сербской Герцеговины и хорватских исторических регионов Бановина, Кордун и Лика за океан переместилось 230 000 человек, составляющих лучшую мужскую рабочую силу [19]. Одновременно в Боснию и Герцеговину переселилось 240 000 католиков — в основном немцев, поляков и итальянцев, которые основали 20 аграрных колоний. В целом мы можем привести данные о том, что «население Сербии сформировалось в период с 1804 по 1960 гг., когда начался процесс оттока населения из западных капиталистических стран. Многие источники представляют доказательства того, что только в Боснии и Герцеговине в 1804 году было столько же православных жителей, сколько и в Сербии, а может быть и больше — после 1945 года это соотношение было больше не 1:1, а 8:1 (не в пользу сербов). Столица Сербии как место самого раннего и самого широкого внедрения европейских общественных

институтов, в историческом смысле стала демографическим кладбищем сербского народа. Сейчас в городе Белграде проживает больше потомков переселенцев из сел Герцеговины, чем на их исторической родине» [10]. Таким образом, внутренняя национальная миграция способствовала концентрации этнических групп, как это произошло и в наше время, когда, например, порядка 350 000 сербов из Хорватии переместилось в Сербию, но с другой стороны, для народа это означает потерю территорий. Что же касается результатов миграционных процессов на Косово, то уже в 1912 году, когда оно было освобождено армией Королевства Сербии, там преобладало составляющее более 50 % албанское население [20]. Такое положение вещей было обусловлено договоренностями в рамках Берлинского конгресса (1878 г.), когда Косово осталось под турецкой властью. После этого на Косово переселились албанцы с юга Сербии — это была добровольная миграция, мотивированная нежеланием мусульман жить в христианском государстве [21]. Из Черногории за последние три десятилетия XIX века эмигрировала четверть населения: только в 1906 году было выдано 6 500 книжек переселенцев [10]. Социальное устройство в этой стране было таким же, как и в Сербии, где сербский народ в общественно-политическом смысле не был интегрирован в единую целостность вплоть до государственного объединения в 1918 году, однако ситуация тут сильно отличалась тем, что в Сербии имели место массовые иммиграции, а в Черногории — эмиграции [22]. Сегодня ситуация в Сербии поменялась, и официальная статистика говорит о том, что ежегодно количество эмигрантов насчитывает порядка 35 000 человек [23], что по численности составляет население такого города как, например, Вршац. При этом, по нашему мнению, эти данные скорее всего занижены.

В период с 1914 по 1918 гг. во время Первой мировой войны и первого объединения Югославии был принят закон, который лишал гражданских прав целые социальные группы. Его применение привело к изгнанию 742 сербских семей [24]. Таким образом, в исторической ретроспективе мы снова наблюдаем пример того, как посредством «простого» нормативно-правового акта государство «сводит свои счета» [25]. Перед специально созданными подразделениями австро-венгерской военной полиции «шущкоррами» была поставлена задача возвращать назад сербское православное население, которое пыталось бежать из «охваченной восстанием областей» и пропускать католические и мусульманские семьи. Подобный принцип действий реализуется и сегодня, но уже официальной армией закрывших свои границы стран, таких как Хорватия и Венгрия. При этом организации, которые были созданы в Первую мировую войну, спустя 27 лет использовались нацистскими отрядами. Мы можем говорить о том, что корни хорватского фашизма были заложены после международного конфликта, который был вызван аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в октябре 1908 года и получил название Боснийский кризис, когда оккупационные власти, опасаясь восстаний в Сербии и в Черногории, в рамках этнических чисток депортировали 150 000 шумадийцев и 10 000 черногорцев в концентрационные лагеря, которые стали первым подобным примером в европейской истории нового века [7]. Исходя из данного исторического опыта, мы можем предположить, что создание лагерей беженцев станет современным эвфемизмом создания концентрационных лагерей в случае, если миграционные процессы будут развиваться в нежелательном направлении, что станет еще одной альтернативой помимо интеграции и транзита [26]. Отметим, что данные о массовых преступлениях, которые совершали австро-венгерские регулярные армейские формирования невозможно встретить, например, в отчетах Фонда международного мира Карнеги. Многочисленные злодеяния, голод, эпидемии, убийства военнопленных, депортации населения и вывоз детей в период с 1914 по 1918 гг. в Земуне и Среме, в Бачке и в Сентендре, в Мачве, Топлице и Прокуплью, а также в Черногории и в Боснии и Герцеговине не нашли отражение в документах подобного рода, поэтому сегодня у исследователей нет точных данных за этот период. В целом, в Первой мировой войне Сербия только в рамках своих старых границ без Косово и Метохии и Македонии потеряла 43 % населения, причем потери среди мужского населения составляли 56 %. Совокупное

количество жертв в Первой мировой войне у унитарного югославского государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев составило по разным оценкам составило от 1 100 000 до 1 300 000 человек [7]. В период после объединения южнославянских народов наблюдался рост численности сербского населения, однако ко времени Лозаннской конференции 1922–1923 гг. его влияние на демографическую картину снижается прежде всего на территории Косово и Метохии.

Во время Второй мировой войны немецкие войска напали на Югославию из направления Венгрии и Болгарии, а итальянские подразделения пришли из Албании и Далмации. Военная капитуляция была подписана в условиях общего упадка страны: было захвачено около 370 000 солдат, затем католики и мусульмане были освобождены, а 30 000 пленных было угнано в Италию. В это же время сербы изгоняются из Загреба и, по меньшей мере, у 30 000 сербских семей, которые в процессе аграрной реформы и колонизации получили участки в Славонии, Среме, Бачке, Баранье и Банате были отобраны имения [27]. Была сформирована Великая Албания, в которую вошли Косово и Метохия без Косовска-Митровицы и Западная Македония с Охридом, при этом по разным оценкам из Албании было тогда переселено от 150 000 до 200 000 человек [7].

В 1941–1945 гг. «Хорватия стала неким огромном баптистерием, но одновременно и гигантской живодерней — немецкое общество тогда воспринимало эту страну именно так» [10]. Действительно, в этот период активно проводилось насильственное обращение в католическую веру — по данным Министерства иностранных дел Италии, в новом хорватском государстве Католической церковью была крещена четверть миллиона сербов. Также во время войны хорватскими уставами была создана система лагерей смерти, самым крупным из которых был концентрационный лагерь в Ясеновце. Такая ситуация явилась следствием преследований сербского народа, целью которых было насильственное изменение этнической и религиозной структуры населения в Боснии и Герцеговине и на побережье Адриатического моря, особенно в Дубровнике.

В этот период «итальянская армия получила от своих разведчиков сведения о том, что главный штаб хорватских фашистов в Загребе распорядился в обязательном порядке в период с конца августа до 6 сентября 1941 г. завершить полную ликвидацию всего сербского населения: мужчины с женщинами и детьми должны были быть убиты, а их дома, скот и иное имущество должно было быть передано в собственность мусульманских и католических семей» [10]. В связи с этим, первой сербской организованной акцией на оккупированных территориях была петиция итальянскому правительству о ревизии границ Независимого государства Хорватия. Так, из Книна поступали петиции о его изъятии у хорватов и включении в состав Италии. Похожая петиция была направлена и в соответствии с инициативой о присоединении восточной части Герцеговины к Черногории. Общее количество жертв геноцида власти созданного в 1945 году государства Югославия не обнародовали. По оценке военных структур, оно составляло 750 000 человек, при том, что совокупные жертвы во Второй мировой войне насчитывали 1 700 000 человек. С тем, что больше всего массовых преступлений было совершено в Хорватии, в целом они имели место во всех областях Сербии. Например, в Бачке, окрестностях Крагуевца и Вальево проводились регулярные облавы [7].

Таким образом, уже в 1944 году в Сербию прибыло 270 000 беженцев из Хорватии, тогда же в Черногорию прибыло 5 000 беженцев с Косово [28]. В Боснии и Герцеговине в этот же период по различным оценкам миграционные движения охватили от 550 000 до 650 000 человек, некоторые из которых впоследствии вернулись на родину. Всего в Сербию во время войны перебралось около 400 000 человек: с Косово прибыло 100 000 человек, из болгарской оккупационной зоны — 25 000 человек, из итальянской оккупационной зоны — 40 000 и из немецкой оккупационной зоны — 30 000. Крупная миграция, обусловившая важные изменения этнической структуры населения, имела место и после окончания Второй мировой войны [29]. Считается, что из Югославии выехало 380 000 граждан Италии, из которых 50 000 человек

были хорватами и словенцами. Из Риеки, население которой составляло всего 66 000 жителей, уехало 58 000 человек. Из Баната и Срема эмигрировало от 150 000 до 200 000 немцев. При этом югославский лидер Йосип Броз Тито не хотел установления сербского этнического состава Воеводины, поэтому из Срема не были возвращены хорватские колонизаторы, которые переместились туда после прихода к власти усташей [30]. При этом изгнанным из Македонии и Косово и Метохии сербам не было позволено вернуться на родину. «Коммунистические власти Югославии времен Тито в соответствии с законом от 1945 года запретили сербскому населению возвращаться в их родные края. С тех пор и до настоящего времени отток сербов и приток албанцев практически не прекращался» [9].

Период Социалистической Федеративной Республики Югославия считается временем цивилизационного прыжка в некое новое общество: известно высказывание о том, что в странах Восточной Европы после окончания Второй мировой войны «машины съели крестьян» [31]. В течение индустриализации югославские села покинули 9 200 000 человек и 1 000 000 сербов переехал в Сербию из других республик. Модернизация общества не повлекла за собой результатов только у албанских и боснийских мусульман, так как была задушена демографическим взрывом. К концу Второй мировой войны на Косово численность сербского населения была сведена к 5 %, а в период с 1961 по 1981 гг. с Косово уехало 42,2 % сербов и 63,3 % тех, кто декларировал себя как черногорцы [32]. В 1957 году Эдвард Кардель меняет исторический смысл восстания против немецких оккупационных сил в период Второй мировой войны, говоря о том, что его целью было строительство социалистических отношений и предоставление каждому народу права на отделение и выбор какого-то другого государственного союза. В 1963 году была принята новая Югославская Конституция и, по словам британского посла в Белграде, тенденция превращения государства из федеративного в конфедеративное обусловила раскол в верхушке руководства страны. Действительно, в соответствии с этой конституцией Югославия была провозглашена объединяющей на добровольной основе равноправные народы Социалистической Федеративной Республикой. Именно после этого начался внутренний процесс разделения наций в югославском сообществе [33].

Иллюстрируя ситуацию с миграционными движениями, отметим, что однажды, в ответ на высказывание президента США Джона Фицджеральда Кеннеди о коммунистических обществах как о закрытых, И. Б. Тито заявил, что Югославия — это открытая страна. При этом имелась в виду доступность паспорта для путешествий за границу — последствием этого стало переселение за рубеж 400 000 югославских граждан, причем к 1974 году их число выросло до 700 000 человек (больше всего людей переселялось в Германию). Таким образом, несмотря на сохранение тенденции переселения этнических сербов непосредственно в Сербию (в переписи 1981 г. представлены данные о том, что общий прирост численности сербского населения за прошедшие двадцать составил 2 000 000 человек, причем только из Боснии и Герцеговины в Сербию переселилось 266 000 человек), это государство впервые в своей истории стало территорией активной миграции, так как население не только въезжало, но и выезжало [7]. В этих условиях, разразившаяся затем гражданская война имела ту же историческую цель, что и Вторая мировая война, а именно создание независимой хорватской европейской нации. Задачей тут было разрушить возникшую исторически «органическую аномалию» присутствия на части хорватской территории православного населения и принадлежности Хорватии 50 километров мультиэтнической Славонии.

В 1991 г. количество возвращающихся в Сербию лиц начало расти и уже в 1992 г. достигло количества 1 000 000 человек (причем после начала военных действий только из Хорватии в Сербию переселилось 350 000 человек), а с 1992 до 1995 г. беженцы составили 750 000 человек [34]. Мы можем говорить о том, что этнические чистки сербов в Хорватии и Косово и Метохии привели к их почти полному вытеснению с этих территорий [35]. В этническом смысле Хорватия стала самой гомогенной страной после

Словении после 1995 года вследствие насильственного изгнания 276 000 и убийства более 2 000 сербов, сопровождавшихся сожжением 380 сел и 40 000 сербских домов. Сегодня в этой стране свыше 90 % населения имеет хорватскую этническую принадлежность и исповедует католическую веру. Что же касается Косово и Метохии, то первая волна гонений на этнической и религиозной основе началась в 1999 году после нападения НАТО: в бегство было обращено 287 000 представителей неалбанских народов, из них 207 000 были сербами (212 781 беженцев было зарегистрировано в Сербии, а 29 500 беженцев — в Черногории) [36]. Мы видим, что значительная миграция населения в Югославии стала последствием бомбардировок как в ходе межэтнических войн, так и в ходе внешней агрессии [37].

Отметим, что, хотя процессы изменения государственных границ и передвижения населения имеют незавершенный характер, возникают идеи некой новой интеграции [38]. Например, мы можем отметить, что очень результативным экспериментом стало включение Воеводина в 1997 году в особый Еврорегион, в который также входят три венгерских области и четыре румынских округа [39]. «Страны, которые не вошли вовремя в процесс евроатлантических интеграций, движутся к дезинтеграционному процессу» [9]. При этом происходящие события: падение авторитета правительств, возникновение квази-государств, эскалация религиозных конфликтов, расширение криминальных организаций мафии, беженцы, терроризм, этнические чистки объясняет только парадигма модели хаоса [40]. В дополнение к этому, международные организации принимают на себя многие функции государств, что делает границы «проницаемыми» [41; 42]. «Мы являемся свидетелями высокой цены нового в современной европейской истории долгоиграющего и поразительного континуитета, в рамках которого произошел не только кровавый распад Югославии, но и насильственное отделение части Сербии, которое все еще дает отголосок в целом государстве как территориальная, экономическая, институциональная, политическая и общественная декомпозиция, окончание которой все еще нельзя точно предсказать и регрессивный процесс, который диаметрально расходится с европейскими интеграциями» [9]. Влияние на данный процесс могла бы оказать интеграция большого количества мигрантов в Сербии.

Выводы

Подводя итог нашей работе, подчеркнем, что социология реализует свою функцию науки, в частности, таким образом, что на основе изучения исторического опыта представляет обзор и прогноз возможности дальнейшего развития общественного взаимодействия больших социальных групп. Отметим и то, что в академическом сообществе имел место прогноз событий на Украине в 2014 г., и вместе с вышесказанным, это дает нам право серьезно рассматривать другие основанные на исторических аналогиях прогнозы, как, например, о том, что исторические источники конфликтов достаются в наследство тем, кто намеревается использовать их для разжигания новых конфликтов, но, при этом, история сама по себе не может дать научного объяснения «крушения мира». Однако такое объяснение могут дать именно социально-демографические изменения, о которых, в частности, шла речь в нашей работе, и, которые в настоящее время имеют место в постюгославском хронотопе. Такие изменения достаточно схожи с теми, которые имели место в прошлом, с участием тех же или аналогичных общественных сил и структур. Поэтому, представленная с точки зрения социологии ретроспектива говорит в пользу того, что, если управление миграционным процессом не приведет к интеграции, намечающаяся тенденция геттоизации мигрантов и беженцев создаст необходимые и достаточные условия новой общественной коллизии на национальном уровне.

На основе вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что в исследуемой нами области имеет место следующий ряд феноменологических явлений. Прежде всего, на протяжении всей истории развития территории нынешней Республики Сербии мы можем отметить постоянные крупномасштабные перемещения населения. Как правило, результатом подобных процессов становились новые социальные интеракции или, в случае негативного

развития событий, отсутствие интеракций, что приводит к социальной коллизии. Затем мы можем говорить о периодическом возникновении новых нормативно-правовых регуляторных механизмов, которые, в зависимости от ситуации, либо благоприятствовали, либо противодействовали иммиграционным процессам в обществе (либо облегчали приток населения, либо затрудняли его). Также большие миграции, которые мы можем охарактеризовать как вынужденные, повлекли за собой формирование изолированных центров для беженцев как экстремальное проявление социальных трений. Помимо этого, исторические события неоднократно приводили к изменению демографической картины определенных территорий — до такой степени, что мы можем наблюдать почти полную замену коренного населения мигрантами. Такое развитие событий не устраняет социальный риск, а лишь немного сдвигает его к новой границе. Наряду со всеми этими явлениями имело место и смена вероисповедания в процессе взаимопроникновения социальных групп. Подчеркнем, что в каждый момент времени на территории, находящейся в фокусе нашего исследования, в большей или меньшей степени присутствует влияние внешних сил, которое мы считаем неизбежным. Это говорит нам о том, что общество давно стало глобальным, то есть намного раньше, чем появились теории глобализации. Можно говорить о том, что единственной постоянной величиной в исследуемом нами пространстве является само пространство постюгославского хронотопа.

Подводя итог представленной нами с социологической точки зрения ретроспективы миграции, мы считаем важным отметить, что, с одной стороны, хотя Сербия в постюгославском хронотопе и не представляет собой цивилизацию, самая южная ее граница является границей цивилизаций. С другой стороны, самая северная граница Сербии представляет собой закрытый путь в Европу. В этой связи можно сказать, что Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинается православие и ислам. Таким образом, очевидно, что проведенный нами исторический обзор позволяет определить постюгославский хронотоп как коммуникационную площадку восточного православия и ислама. Мы уверены в том, что полученные нами данные могут в будущем способствовать дальнейшим социологическим исследованиям ученых и разработке эффективных рекомендаций, так как в ином случае неизбежно возникнут серьезные предпосылки общественного конфликта. Это особенно важно, принимая во внимание то, что мы можем говорить о том, что религии, в отличие от экстремизма, который в большей степени можно рассматривать как проект, в теологическом смысле неизменны, что обуславливает задачу социологии по принятию на себя ведущей роли в формировании социальной гармонии представителей различных конфессий. Хотя «исламский фундаментализм» отрицает национальное государство в пользу единства ислама, мы можем подчеркнуть, что на сербской территории имеет место всецело успешная социальная интеграция части местного населения, являющейся приверженцами этой религии. Однако необходимо отметить, что в этой ситуации без эффективного управления новоприбывшие мигранты станут неизвестным фактором в существующей социальной системе государства, если только их пребывание не будет транзитным, что, как мы уже обосновали, маловероятно, поскольку имеет место закрытие северных границ Республики Сербия, где эта граница также является и межцивилизационной.

Библиографический список

- [1] Elias, N. Retreat of sociologists into the present // *Theory, Culture and Society*. – 1987. – Vol. 4, № 2–3. – P. 223–247.
- [2] Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие // Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – Москва: Центр миграционных исследований, 2007. – 370 с.
- [3] Smith, D. Norbert Elias and André Breton: Surrealism, Shock and the Civilizing Process // *Mitteleuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen*. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. – pp. 159–170.
- [4] Чиркович С.М. История сербов /; пер. с серб. Ф.Б. Альбрехт и др; под общ. ред. А.Л. Шемякина. – Москва: Весь мир, 2009. – 409 с.

- [5] Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. – Београд: Нар. библ. Србије, 2012. – 562 с.
- [6] Hrabak, B. Širenje arbanaških stočara po ravninama i slovenski ratari srednjovekovne Albanije // Stanovništvo slovenskog porijekla u Albaniji. Zbornik radova sa međunarodnog naučnog skupa održanog na Cetinju 21, 22. i 23. juna 1990. godine. / Bojović, J.P. (ed.). – Titograd: Istorijski institut SR Crne Gore, 1991. – P. 85–130.
- [7] Географија Србије / Уредник Радовановић Москва. – Српска академија наука и уметности, Географски институт «Јован Цвијић»; књ. 91. – Београд: 3D Plus. – 870 с. (Посебна издања).
- [8] Цвијић Ј. Метанастасичка кретања њихови узроци и последице // Насеља и порекло становништва, књ. 12. – Српски Етнографски зборник, књ. XXIV. – Београд: Државна штампарија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, 1922. – 106 с. [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.google.com/file/d/0B3ma9plMXxAEUjk1S2tNTTV2Qlk/edit> (дата обраћања: 18.07.2020 г.)
- [9] Бојовић Б.Б. Византија – Балкан – Европа: припадност и оностраност. – Београд: Службени гласник (Гласник), 2014. – 436 с.
- [10] Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку. – 5. изд. – Београд: Euro Book, (Пирот: Пи прес), 1492–1992. – 606 с.
- [11] Holborn L.W. Refugees, a problem of our time. The Work of the United Nations High Commissioner for Refugees, 1952–1972 / L.W. Holborn, P. Chartrand, R. Chartrand. – Vol. 2 – Metuchen: Scarecrow Press, 1975. – 1525 p.
- [12] Терзич С. Старая Сербия (XIX – XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. – Москва: Вече, 2015. – 480 с.
- [13] Forcade O., Nivet P. Pour une histoire des réfugiés dans l'Europe moderne et contemporaine. In O. Forcade, P. Nivet (Eds.), Les Réfugiés en Europe du XVIe au XXe siècle. – Paris: Éditions Nouveau Monde, 2008. – P. 7–10.
- [14] Čakić S. Velika Seoba Srba i Patrijarh Arsenije III Crnojević. Povodom 300-godisnjice Velike Seobe Srba. – Novi Sad: Prometej I Kulturno-prosvetne zajednice Vojvodine, 1990. – 437 s.
- [15] Gavrilović S. O Srbima Habzburške monarhije. – Beograd: Srpska književna zadruga Beograd, 2010. – 420 p.
- [16] Šviker J.H. Istorija unijaćenja Srba u Vojnoj krajini. – Novi Sad: Arhiv Vojvodine, 1995. – 113 p.
- [17] Krestić V.Đ. Srbi u Ugarskoj 1790 – 1918. – Novi Sad: Matica srpska, 2013. – 534 p.
- [18] Arango J. Explaining migration: a critical view // International Social Science Journal. – 2000. – Vol. 52, № 165. – P. 283–296.
- [19] Ћоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку – Београд: Библиотека града Београда, 1992. – 860 с.
- [20] Шевцова Г.И. Русский гуманитарный поход на Балканы (1912–1913). – Москва: Фонд «Запад-Восток: интеграция и развитие», 2012. – 240 с.
- [21] Балкански рат у слици и речи: 1912–1913 / уз сарадњу српских књижевника и ратника уредио Д.М. Шијачки (друго изд). – Београд: Видов-дан (Штампарија Савића и Комп), 1922. – 624 стр. (Илустрована историја српских ратова за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца 1912–1920; 1). – Сакупљ. и прешт. 39 бројева листа „Балкански рат у слици и речи” од 1913 год.
- [22] Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке). – Москва: Гея итэрум, 2000. – 480 с.
- [23] Розанов А. Безопасность Европы: Балканский вектор: по материалам семинара «Европейская безопасность: Балканский вектор» (Белград, 27 июня 2012 г.) и экспертного круглого стола «Черногория в современной геостратегии России» (Москва, Фонд исторической перспективы, 17 сентября 2012 г.). – Москва: Фонд исторической перспективы, 2013. – 254 с.
- [24] Радоевич М. Сербия в Великой войне 1914–1918: краткая история / Пер. А.И. Чароты, В.И. Чароты, И.А. Чароты / Под ред. И.А. Чароты. – Белград: СКЗ: Белградский форум за мир равноправных – Бачки-Петровац: ХЛ Принт, 2014. – 336 с.

- [25] Bell M., Ward, G. Comparing Temporary Mobility with Permanent Migration // *Tourism Geographies*. – 2000. – Vol. 2, № 1. – P. 97–107.
- [26] Минеев А. Наш дом — весь мир? Или только дом? Миграция и порожденный ею рост национализма раскололи Европу. // *Новая газета*. № 141 от 19 декабря 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/12/12/78918-nash-dom-ves-mir-ili-tolko-dom> (дата обращения: 16.06.2020 г.)
- [27] Бачко добро поле: горштаци у равници / Група аутора. – Посебна издања. Књ. 18. – Београд: Етнографски Институт САНУ, 1979. – 298 с.
- [28] Йович С.Б. Этнические чистки и геноцид славянской культуры на Косово и Метохии: свидетельство о страдании Сербской Православной Церкви и сербского народа с 1945 по 2005 год / Перевод И.М. Числов. – Москва: Паломник. 2014. – 224 с.
- [29] Holian A., Cohen, G.D. Introduction // *Journal of Refugee Studies*. – Special Issue: The Refugee in the Postwar World, 1945–1960. – 2012. – Vol. 25, № 3. – P. 313–325. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jrs/fes028>
- [30] Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке / Коллектив авторов. – Москва: издательский дом «Звонница-МГ», 2005. – 432 с.
- [31] Тойнби А.Дж. Постижение истории: монография. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 1876 с.
- [32] Вуйович М. Расправа над истиной / Пер. с сербск. В. Соколов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 242 с.
- [33] Кузнецов Д.В. Югославский кризис: взгляд сквозь призму общественного мнения. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 344 с.
- [34] Бојовић Ј.Р. Избеглице из Албаније у Црну Гору 1991. године. – Титоград: Историјски институт Републике Црне Горе, 1991 – 256 с. (Посебна издања).
- [35] Батаковић Д.Т. Косово и Метохија – историја и идеологија. – Београд: Универзитетски образовни православно богословски – Ваљево: Хиландарски фонд – Србиње: Задужбина «Николај Велимировић», 1998. – 265 с.
- [36] Рыжков Н.И. Югославская Голгофа / Под ред. Н.И. Рыжков, В.Н. Тетекин. – Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 2000. – 445 с.
- [37] Демократия и бомбардировки. Есть ли будущее у демократии? / Под ред. З. Аврамович; перевод с сербской В. Соколов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 212 с.
- [38] Сербия о себе: сборник / М. Йованович (составитель). – Москва: издательство «Европа»: ИД КДУ, 2013. – 510 с.
- [39] Evroregion DKMT u prve dve decenije ispunio svoju misiju [Текст]. Официальный сайт Краевого секретариата по региональному развитию, международному сотрудничеству и местному самоуправлению Автономного Края Воеводина (Республика Сербия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://region.vojvodina.gov.rs/kabinet-sekretara/?lang=rs> (дата обращения: 03.10.2020 г.).
- [40] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Москва: Мысль, 1993. – 165 с.
- [41] Castles S., Miller M.J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World (Fourth Edition). – London: Palgrave Macmillan Limited, 2009. – 369 p.
- [42] Лебедева О.В. Организация объединенных наций в процессах дипломатического урегулирования межнациональных конфликтов // *Международная жизнь*. – 2018. – № 2. – С. 46-60.

References

- [1] Elias, N. (1987). Retreat of sociologists into the present. *Theory, Culture and Society*, 4 (2–3), 223–247
- [2] Zayonchkovskaya, Zh., Molodikova, I., & Mukovel, V. (Eds). (2007). *Methodology and Methods of Studying Migration Processes*. Moscow: Centr migracionnykh issledovanij.

- [3] Smith, D. (2018). Norbert Elias and André Breton: Surrealism, Shock and the Civilizing Process. In *Mitteuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen* (pp. 159–170). Berlin: De Gruyter.
- [4] Čirković, S.M. (2009). *Serbs among European nations*. Translation F.T. Albrecht, A.L. Shemyakina (Eds.). Moscow: Ves mir.
- [5] Cvijić, J. (2012) *Balkan Peninsula and South Slavic Countries*. Belgrade: Narodna Biblioteka Srbije.
- [6] Hrabak, B. (1990) The Spread of Arbanasi Cattle Breeders on the Plains and Slavic Farmers of Medieval Albania. Population of Slovenian Origin in Albania. In J.P. Bojović (Ed.), *Proceedings of the International Scientific Conference Held in Cetinje 21st, 22nd and 23th June 1990* (pp. 85–130). Titograd: Istorijski institut SR Crne Gore.
- [7] Radovanović, M. (Ed.). (2017). *Geography of Serbia*. Serbian Academy of Sciences and Arts, Geographical Institute “Jovan Cvijić”, 91. Belgrade: 3D Plus (Special Edition).
- [8] Cvijić, J. (1922). Metanastatic Movements, their Causes and Consequences. Settlements and the Origin of the Population. *Serbian Ethnographic Collection*, 12 (24), 106.
- [9] Bojović, B.B. (2014). *Byzantium – Balkans – Europe: Belonging and Otherworldliness*. Belgrade: Sluzhbeni Glasnik.
- [10] Ekmečić, M. (2017). *The Long Movement between Slaughter and Plowing: the History of Serbs in the New Century: (1492–1992). Fifth Edition*. Belgrade: Evro Book.
- [11] Holborn, L.W. (1975). Refugees, a problem of our time. In L.W. Holborn, P. Chartrand, R. Chartrand (Eds.), *The Work of the United Nations High Commissioner for Refugees, 1952–1972*. Vol.2. Metuchen: Scarecrow Press.
- [12] Terzić, S. (2015). *Old Serbia (XIX – XX Centuries). A Drama of a European Civilization*. Moscow: Veche.
- [13] Forcade, O., & Nivet, P. (2008). Pour une histoire des réfugiés dans l’Europe moderne et contemporaine. In O. Forcade, P. Nivet (Eds.), *Les Réfugiés en Europe du XVIe au XXIe siècle* (pp. 7–10). Paris: Éditions Nouveau Monde.
- [14] Čakić, S. (1990). *The Great Migration of Serbs and Patriarch Arsenije III Crnojević. Povodom 300-godisnjice Velike Seobe Srba*. Novi Sad: Prometej i Kulturno-prosvetna zajednica Vojvodine.
- [15] Gavrilović, S. (2010). *About the Serbs of the Habsburg Monarchy*. Beograd: Srpska književna zadruga Beograd.
- [16] Šviker, J.H. (1995). *History of the Unification of Serbs in the Military Border*. Novi Sad: Arhiv Vojvodine.
- [17] Krestić, V.Đ. (2013). *Serbs in Austro-Hungarian Empire 1790 – 1918*. Novi Sad: Matica Srpska.
- [18] Arango, J. (2000). Explaining migration: a critical view. *International Social Science Journal*, 52 (165), 283–296.
- [19] Čorović, V. (1992). *Relations between Serbia and Austro-Hungary in the XX Century*. Belgrade: Biblioteka Grada Beograda.
- [20] Shevtsova, G.I. (2012). *Russian Humanitarian Campaign in the Balkans (1912–1913)*. Moscow: Foundation “West-East: Integration and Development”.
- [21] Shiyachki, D.M. (Ed.). (1922). *The Balkan War of 1912–1913, in Pictures and Words, Second Edition*. Belgrade: Vidovdan (Publisher Savich & Comp).
- [22] Vasileva, N., & Gavrilova, V. (2000) *Balkan Dead End? (Historical Destiny of Yugoslavia in the Twentieth Century)*. Moscow: Geya Iterum.
- [23] Rozanov A. (2012). *Security of Europe: the Balkan Vector. Based on the Materials of the Seminar "European Security: The Balkan Vector" (Belgrade, June 27, 2012) and the Expert Round Table "Montenegro in the Modern Geostrategy of Russia"*. Moscow: Fond Istoricheskoy Perspektivy).

- [24] Radojević, M., & Dimić, D. (2014). *Serbia in the Great War 1914–1918: a Brief History*. A.I. Čarota, V.I. Čarota (Transl.), I.A. Čarota, (Eds.). Belgrade: SKZ Belgradskiy Forum za Mir Ravnopravnykh. Bački Petrovac: KHL Print.
- [25] Bell, M., & Ward, G. (2000). Comparing Temporary Mobility with Permanent Migration. *Tourism Geographies*, 2(1), 97–107.
- [26] Mineev, A. (2018). Is our Home the Whole World? Or just a House? Migration and the Resulting Rise of Nationalism have Divided Europe New Newspaper, 141 (19th Decembre 2018). Retrieved from <https://novayagazeta.ru/articles/2018/12/12/78918-nash-dom-ves-mir-ili-tolko-dom> (accessed 16 June 2020)
- [27] Blagojević, O. (1979). *Bačko Dobro Polje: Highlanders in the Plain*. Special Edition, 18. Belgrade: Etnografski Institut SANU.
- [28] Jović, S.B. (2014). *Ethnic Purges and the Genocide of Slavic Culture in Kosovo and Metohija: Evidence of the Suffering of the Serbian Orthodox Church and the Serbian People from 1945 to 2005*. I.M. Chislov (Transl.). Moscow: Polomnik.
- [29] Holian, A., & Cohen, G.D. (2012). Introduction. The Refugee in the Postwar World, 1945–1960. *Journal of Refugee Studies. Special Issue*, 25(3), 313–325. <https://doi.org/10.1093/jrs/fes028>
- [30] The Balkan Knot, or Russia and the “Yugoslav Factor” in the Context of the Politics of the Great Powers in the Balkans in the Twentieth Century (2005). Group of Authors. Moscow: Publisher Zvonitsa-MG. Retrieved from https://bookdomain.at.ua/news/balkanskij_uzel_ili_rossija_i_jugoslavskij_faktor_v_kontekste_politiki_velikikh_derzhav_na_balkanakh_vasileva_gavrilov_mirkiskin/2018-01-13-311
- [31] Toynbee, A.J. (2007). *Study of History*. Moscow: Direct-Media.
- [32] Vujović, M. (2017). *Debate over the Truth*. V. Sokolova (Transl.). Saint Petersburg: Aletejya.
- [33] Kuznetsov, D.V. (2009). *The Yugoslav Crisis: a View through the Prism of Public Opinion*. Moscow: Publisher “Librokom”.
- [34] Bojović J. (1991). *Refugees from Albania to Montenegro in 1991*. Titograd: Istorijski Institut SR Crne Gore.
- [35] Bataković, D.T. (1998). *Kosovo and Metohija – history and ideology*. Belgrade: Univerzitetski obrazovni pravoslavni bogoslovski. Valjevo: Hilendarski fond. Srbine: Zaduzhbina “Nikolaj Velimirović”.
- [36] Rizhkov, N.I., & Tetekin, V.N. (2000). *Yugoslav Golgotha*. Moscow: Fond Sodejstviya Razvitiyu Socialnukh i Politicheskikh Nauk.
- [37] Abramović, Z. (2017). *Democracy and Bombing. Is there a Future in Democracy?* V. Sokolova (Transl.), Saint Petersburg: Aletejya.
- [38] Jovanović, M. (Ed.). (2013). *Serbia about Itself: a Collection*. Moscow: Publisher “Evropa”.
- [39] The DKMT Euroregion has fulfilled its mission in the first two decades. Provincial Secretariat for Regional Development, Interregional Cooperation and Local Self-Government, Autonomous Province of Vojvodina (Republic of Serbia). Retrieved from <http://region.vojvodina.gov.rs/kabinet-sekretara/?lang=rs>.
- [40] Spengler, O. (1993). *Decline of the West*. Moscow: Moscow: Mysl.
- [41] Castles, S., & Miller, M.J. (2009). *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Fourth Edition*. London: Palgrave Macmillan.
- [42] Lebedeva, O.V. (2018). United nations organization in the processes of diplomatic settlement of interethnic conflicts. *International Affairs*, 2, 46–60.

Получена / Submitted: 05/10/2020

Доработана / Revised: 12/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 26/11/2020

Подписано в печать 10.12.2020. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,12. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 500. Заказ № 2035
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.